

ЛАБОРАТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Государственный университет –
Высшая школа экономики

Архитектура и скульптура
как факторы политической
идентичности

№ 34

**Государственный университет –
Высшая школа экономики
Лаборатория политических исследований
Клуб «Открытый форум»
Екатеринбургский художественный фонд**

в рамках
Всероссийского конкурса скульптурных и
архитектурных произведений
«Наше Отечество»

Архитектура и скульптура как факторы политической идентичности

Выпуск 34

Москва
Май, 2010

Сайт Клуба «Открытый
форум» www.open-forum.ru

О проекте

Клуб «Открытый форум» начал работать в феврале 2003 года.

В 2008 году Клуб вошел в структуру Лаборатории политических исследований ГУ-ВШЭ.

За семь лет существования Клуб провел 34 заседания, в которых приняли участие 220 экспертов и политиков.

Идея Клуба «Открытый форум» – собирать за одним столом специалистов самых разных направлений – политологов, социологов, психологов, экономистов, демографов и т.д., а также представителей гражданского общества, политиков и журналистов для обсуждения сложных проблем, стоящих перед нашей страной. Речь идет о проблемах, понимание которых требует комплексного подхода, учета различных профессиональных позиций и политических взглядов.

Помимо аналитических задач Форум ставит перед собой и задачу нравственную – объединяя в дискуссиях людей с разными, часто противоположными точками зрения, способствовать формированию в России культуры толерантности.

Координатор Клуба «Открытый форум»

М.Ю. Урнов

доктор политических наук, профессор,
научный руководитель факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ

Участники дискуссии

Амнуэль Григорий Маркович

Исполнительный директор Открытого клуба
«Международный диалог»



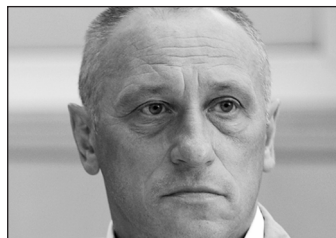
Андреев Павел Юрьевич

Архитектор, руководитель мастерской № 14 ГУП
«Моспроект-2 имени М.В. Посохина»



Аузан Александр Александрович

Член правления Института современного развития,
президент Института национального проекта
«Общественный договор», генеральный директор Фонда
«Народная ассамблея», доктор экономических наук



Давидсон Аполлон Борисович

Директор Центра африканских исследований
Института всеобщей истории РАН и Центра российских
исследований Университета Кейптауна (ЮАР), президент
Международной ассоциации британских исследований,
профессор ГУ-ВШЭ, доктор исторических наук



Зимин Дмитрий Борисович

Почетный президент ОАО «ВымпелКом»,
почетный президент фонда некоммерческих программ
«Династия»



Иноземцев Владислав Леонидович

Научный руководитель Центра исследований
постиндустриального общества, главный редактор
журнала «Свободная мысль», доктор экономических наук



Кантор Владимир Карлович

Русский писатель, литературовед, ординарный
профессор ГУ-ВШЭ, доктор философских наук



Касамара Валерия Александровна

Заведующая Лабораторией политических
исследований ГУ-ВШЭ, кандидат политических наук



Медведев Сергей Александрович

Политолог, профессор ГУ-ВШЭ, телеведущий,
кандидат исторических наук



Мельвиль Андрей Юрьевич

Декан факультета прикладной политологии ГУ-ВШЭ,
доктор философских наук, заслуженный деятель
науки РФ



Нисневич Юлий Анатольевич

Политолог, профессор ГУ-ВШЭ,
доктор политических наук



Павловский Глеб Олегович

Директор «Фонда эффективной политики»



Пенская Елена Наумовна

Заместитель главного редактора журнала «Вопросы
образования», ординарный профессор ГУ-ВШЭ,
доктор филологических наук



Потоцкий Игорь Витальевич

Генеральный директор STPcontent



Титлинов Сергей Валентинович

Генеральный директор Екатеринбургского
художественного фонда



Урнов Марк Юрьевич

Научный руководитель факультета прикладной
политологии ГУ-ВШЭ, доктор политических наук



Филатова Ирина Ивановна

Профессор ГУ-ВШЭ, доктор исторических наук, член
редколлегий двух научных журналов ЮАР, член
редакционно-издательского Совета по гуманитарным
наукам ЮАР



Ципко Александр Сергеевич

Главный научный сотрудник Института
международных экономических и политических
исследований РАН, доктор философских наук



Чубайс Игорь Борисович

Директор Центра по изучению России РУДН, член
правления Союза литераторов России, доктор
философских наук





Архитектура и скульптура как факторы политической идентичности

Вопросы для дискуссии

1. В какой мере архитектура и скульптура отражает особенности политической системы/политического режима и ценностных ориентаций властной элиты данного общества?
2. В какой мере и каким образом стиль архитектуры и искусства участвует в формировании образа страны и политического режима в сознании «рядовых граждан»? Какова мощьность этих факторов по сравнению с другими факторами, участвующими в формировании этих образов?
3. Существует ли связь между особенностями стиля архитектуры и скульптуры и особенностями системы политической идентичности данного общества (интенсивность переживания идентичности, объекты политической идентичности, их пространственно-временная локализация и пр.)?
4. Может ли множественность стилей архитектуры и скульптуры служить индикатором множественности существующих в обществе типов политической идентичности?
5. Содержит ли архитектура и скульптура идеологическую составляющую? Можно ли по тенденциям изменения стиля архитектуры и скульптуры судить о перспективах изменения системы политической идентичности данного общества?

Урнов М.Ю.: Готовясь к заседанию, мы составили ряд вопросов, которые и представлены в программе. Вопросы эти, по большому счету, риторические и направлены скорее на систематизацию заранее известных ответов, чем на поиск чего-то нового. Действительно, просмотры кинохроник нацистской Германии и советской России (особенно России сталинских времен), документальных лент, снятых в странах стабильной демократии, а также прогулки по крупным городам Европы, Америки и Азии неизбежно наводят на мысль о том, что архитектура и скульптура так или иначе отражают специфику политической системы и политических ценностей своего общества; что разрушение целостности архитектурного стиля сопровождается процессом смены представлений о власти, режиме и политической идентичности.

Идея проведения этого форума принадлежит Сергею Титлинову. Думаю, он сам расскажет о нем подробнее. Со своей стороны лишь отмечу, что инициатива Екатеринбургского художественного фонда очень показательна. Под лозунгом «Наше Отечество» этим Фондом был проведён масштабный конкурс региональных скульпторов и архитекторов. В конкурсе приняли участие представители 70 регионов. Регионы мобилизуются, регионы начинают осмыслять себя, начинают думать о том, что такое Россия и каково их место в этой стране. Похоже, что «москвоцентризм» и «питероцентризм» в нашей культуре постепенно ослабевает, и в этом я вижу залог более или менее нормального развития страны.

Итак, задача нашего сегодняшнего заседания состоит в том, чтобы попробовать посмотреть на процесс архитектурной и скульптурной динамики с точки зрения эволюции политической культуры и политической идентичности.

Титлинов С.В.: С сентября 2009 года по апрель 2010 года на территории Российской Федерации был проведен Всероссийский конкурс скульптурных и архитектурных произведений «Наше Отечество». Инициатором и организатором конкурса является творческо-производственное объединение «Екатеринбургский художественный фонд».

Мы считаем, что патриотизм и государственность являются составной частью творчества российских авторов, всегда воспитывавшихся на великих целях и великих идеях. Задача конкурса – собрать произведения этих замечательных мастеров и, представив в качестве контраргумента коммерческой сиюминутности, стимулировать реализацию этих великих идей на практике.

В конкурсе приняли участие около 400 авторов из 70 субъектов РФ, а также наши соотечественники из США, Израиля, Казахстана и Украины. Всего в конкурсе представлено 105 городов России и зарубежья!

Конкурс проходил по двум направлениям – профессиональное и молодежное, в каждом из которых было представлено по две номинации: архитектурные произведения и скульптурные произведения.



Что показал конкурс, если не принимать во внимание художественные и творческие достоинства представленных произведений?

1. В архитектуре

Авторы, заявившиеся в номинации «Архитектурные произведения», представили на конкурс проекты следующих тематик:

- музеи (17% от всех представленных на конкурс проектов);
- мемориальные комплексы (17%);
- городская среда и благоустройство (17%);
- культовые сооружения (14%);
- торгово-деловые здания и комплексы (14%);
- учебные и научные заведения (7%);
- исторические реконструкции (3%);
- жилые здания и комплексы (3%);
- административные здания и комплексы (2%).

Примечательно, что жилые здания и комплексы большинством участников конкурса не рассматриваются как относящиеся к теме «Наше Отечество». При этом те немногочисленные проекты жилых зданий, которые все же были представлены на конкурсе, полностью ей соответствуют и обладают яркой индивидуальностью и национальным колоритом.

Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство наших сограждан действительно живут в стандартных многоэтажных домах, напроць лишенных какой-либо самобытности.

2. В скульптуре

В номинации «Скульптурные произведения» были представлены работы следующих тематик:

- портрет исторического или культурного деятеля (26% от всех представленных на конкурс проектов);
- историческое или культурное событие (24%);
- философское осмысление нашего Отечества, России (23%);
- фольклор (16%);
- портрет простого россиянина (13%);
- ВОВ (8%);
- духовная и религиозная тематика (7%).

В этой номинации наряду с такими традиционными темами, как «портрет исторического или культурного деятеля» или «историческое событие» (58%), достаточно широко представлены были и философские работы (23%). Также достоин упоминания тот факт, что на конкурсе появились тема «портрет простого россиянина» и тема религиозности и духовности.

Интересно еще и то, что скульптурные произведения в традиционных стилях составляют 74% от всех представленных работ.

В целом мы должны признать ошибочность своих первоначальных суждений. Прекрасные произведения скульптуры и архитектуры из самых разных уголков нашей страны, представленные на конкурсе, подтверждают высокий профессиональный уровень российских творцов, но тем не менее не могут опровергнуть очевидного – тема патриотизма и государственности не является на сегодняшний день естественным содержанием творчества наших мастеров.

В то же время конкурс можно рассматривать как масштабное социологическое исследование и «разведку боем» одновременно. Его результаты позволяют говорить не только о состоянии, но и об условиях, возможностях, тенденциях и мотивах творческого сообщества и властей в системной пропаганде патриотизма и государственности через архитектуру и монументальное искусство.

Хотел бы также сказать о том, что 15 июня в Центральном выставочном зале «Манеж» состоится итоговая выставка-презентация конкурсных работ и награждение победителей конкурса. Выставка будет работать всего 7 часов.

Можно будет увидеть много интересного, в том числе презентацию нового скульптурного символа России работы красноярско-екатеринбургских авторов, размером 6 метров высотой, 14 метров длиной и 6 метров шириной. Я приглашаю вас на эту выставку. Приглашения можно получить у моей коллеги или в агентстве «СИБ-Медиа».

Урнов М.Ю.: Итак, дамы и господа, давайте поговорим о том, какие чувства вызывают у нас прогулки по улицам родных городов и созерцание окружающей нас скульптурной и архитектурной среды. Просыпается ли в наших душах при этом чувство патриотизма или возникают какие-то иные переживания? И что эти эмоции значат с точки зрения нашей политической культуры?

Сергей Медведев, пожалуйста.

Медведев С.А.: Для проведения нашего заседания было выбрано очень хорошее место: Рождественка, рядом МАРХИ, с другой стороны Третьяковский проезд, Никольская улица, Лубянская площадь, торговый центр «Наутилус», выполненный в стиле эклектики... Всё это очень точно определяет московскую стилистику палимпсеста: многочисленные наложения культурных слоёв, постоянное разрушение, постоянное переосмысление места.

Я считаю, что тема «Архитектура и власть» восходит еще ко времени египетских пирамид, потому что каждая власть пытается запечатлеть себя в трёхмерном виде. Архитектура, во-первых, трёхмерна, во-вторых, очень долгосрочна. Возможно, это наиболее политическое из искусств, даже более политическое, чем живопись и кино. Каждая власть мыслит себя в категориях вечности и стремится запечатлеть себя в этих категориях. Все строят свои пирамиды: Гитлер строит Дом Собраний с куполом в 250 метров в диаметре; Сталин в те же годы строит Дворец Советов, самое высокое здание в мире; нынешняя российская власть строит храм Христа Спасителя. Все эти произведения создаются для вечности.

Мне кажется интересным развить такую тему, как «Город и власть», потому что политическое значение архитектуры наиболее ясно проявляется в тех городах, которые связаны с властью. В первую очередь я думаю в данном контексте о Москве и Берлине. Подумать только, сколько «властных» проектов наслаивались в Берлине один на другой, начиная с барочного Городского дворца или с классического Берлинского собора. Или взять, к примеру, архитектуру модернизма – Новую Рейхсканцелярию Шпеера, на месте которой впоследствии возникает архитектура ГДРовская. В Берлине есть и сталинская архитектура 50-х годов – там есть своя «улица Горького», один в один как в Москве. И нынешняя архитектура германского объединения тоже очень интересна, потому что немецкая история была полностью переосмыслена. Фостеровский купол над Рейхстагом – воплощение идеи абсолютной про-



«То, что произошло в последние годы в России – разрушение культурно-исторической среды, презрение к исторической памяти, доминирование властной вертикали, пришествие ничем не ограниченного бизнеса, поверхностная вестернизация и полное презрение к интересам горожан – московская архитектура отразила очень точно».

Медведев С.А.

зрачности: замкнутая коробка прусского духа становится прозрачной, и каждый может зайти и посмотреть, что происходит в Бундестаге. Вообще, в Берлинской архитектуре очень чётко отражены все пласты немецкой истории.

В этом смысле в Москве тоже интересно посмотреть разные слои истории и проследить смену власти, поскольку Москва, в отличие от Петербурга, это сплошной палимпсест, это эстетика разрушения и строительства. Так, к примеру, на Чёртовом болоте, где был Алексеевский монастырь, потом храм Христа Спасителя Тона, потом стройка Дворца Советов, потом бассейн «Москва», теперь снова стоит храм Христа Спасителя – «солидный Господь для солидных господ», как сказал В.О. Пелевин. Так что же, современная московская архитектура говорит о сегодняшней российской власти?

Во-первых, у нас, по выражению Симона Кордонского, «ресурсное государство» и, соответственно, у нас ресурсная архитектура, т.е. архитектура, завязанная на ресурсах. Соответственно, в силу логики распоряжения ресурсами, нашей архитектуре присущи две основные характеристики: во-первых, наши архитектурные проекты одни из самых «взяткоемких», взять хотя бы Сочи или реконструкцию Большого театра. Показатели коррупции и откатов в архитектуре и строительстве в России одни из самых высоких на сегодняшний день. На взятки уходит, по-моему, до 30 процентов бюджета проекта.

А во-вторых, распоряжение ресурсами – это не только почва для коррупции, это еще и идея архитектурного доминирования. Власть запечатлевает себя в формах, которые воспроизводят ее саму, т.е. вертикаль власти. Например, проект Охта-центра, башни Газпрома в Петербурге – это типичная вертикаль, доминирование «Культуры два» по В.З. Паперному. В этом же контексте можно вспомнить разрушение Поклонной горы и воздвижение на ней какого-то шампура с нанизанным сверху шашлыком. Или взять Петра Первого, он же Христофор Колумб, над Москвой-рекой. Всюду ставятся эти вертикали, которые доминируют над горизонтальной культурной средой. Они своей вертикальностью разрушают культурную среду.

Отсюда второй мой тезис: нынешняя московская архитектура очень «не средовая», она разрушает культурную среду. Типичный для меня пример того – это всё, чем занимается Зураб Церетели. Это типичный вандал, «антисредовой» архитектор. Причём началось это задолго до Москвы и его «романа» с Лужковым. Он еще при советской власти делал автобусные остановки по всей Абхазии в виде морских гадов из мозаики: осьминогов, крабов и т.д. Ничего более дикого и аляповатого в своей жизни я не видел. Эти остановки сейчас изрешечены пулями, а вокруг пасутся худые коровы породы «абхазская ребристая». Церетели в этом смысле удивительный человек, преступный в своей наивности. То, что он сделал с Манежной площадью, с Поклонной горой – это преднамеренное злостное разрушение исторической культурной среды, выполненное с особым цинизмом.

Отсюда мой третий тезис: презрение современной московской архитектуры к среде – это её недемократичность, ее высокомерное отношение к народу.

Голос общественности, как правило, не учитывается, а западные светила (тот же Норман Фостер) воспринимают Россию как своего рода Дубай, где власть богата и ничем не ограничена, ни ресурсами, ни парламентом, ни газетами. Архитекторы приезжают сюда и ведут себя так, словно они в Дубае. Хотите башню в 800 метров? Поставим башню 800 метров. Хотите небоскрёб в полтора километра? Поставим небоскрёб в полтора километра. Однако проблема в том, что там, в Дубае, это все стоит в пустыне, а вокруг – Средневековье, вокруг – бедуинская цивилизация. У нас же это точечная застройка посреди живого исторического города. Идет ли речь о реконструкции Мариинки или об «апельсине», который поставят на месте Дома художника, архитектор говорит не со средой, не с народом, он говорит только с заказчиком. Любой каприз за деньги клиента – этот принцип, который работает и в архитектуре, прекрасно отражает то, что происходит в обществе, отношения общества и власти.

Посмотрите, что было построено в последнее время? В основном были реализованы проекты либо для власти, либо для бизнеса, либо, в крайнем случае, элитное жильё. Даже если взять хорошие проекты, например яхт-клуб Тотана Кузембева или гольф-клуб в Пирогово (там были и Евгений Асс, и Александр Бродский, и Юрий Авакумов, и еще много кто – сплошь наши звезды), – это очень хорошие проекты, но все они элитные. Мы не увидели проектов по скандинавскому или американскому образцу, которые были бы ориентированы на средний класс, на народ. Мы не увидели доступного и непритязательного «Дома Прерий» Фрэнка Ллойда Райта для обычных людей.

И последний мой тезис: как это ни парадоксально, но в современной московской архитектуре напрочь отсутствует переосмысление истории. Лет 10-15 назад, когда считалось, что в стране процветает демократия, в архитектуре произошла ресталинизация. Началось все с «ДОН-строя», с «Триумф Паласа» (вообще, названия московских жилых комплексов – это отдельная тема: кажется, всю современную российскую историю можно вместить в эти два слова «Триумф Палас»); затем был жилой комплекс «Шуваловский», который воспроизводит сталинскую архитектуру МГУ, и т.д. Всё это демонстрирует полное отсутствие какого бы то ни было переосмысления сталинской архитектуры и её бездумное механическое воспроизведение только потому, что людям это нравится. Людям нравится название жилого комплекса «Ближняя дача», и люди живут и растят детей на бывшей сталинской даче, и никого это не коробит.

Одним словом, Москва – это прекрасный исторический срез. То, что произошло в последние годы в России – разрушение культурно-исторической среды, презрение к исторической памяти, доминирование властной вертикали, пришествие ничем не ограниченного бизнеса, поверхностная вестернизация и полное презрение к интересам горожан, – московская архитектура отразила очень точно.

Урнов М.Ю.: После этого приступа русофобии и очернения происходящих вокруг нас фундаментальных перемен к лучшему я не могу не предоставить слово Александру Ципко.

Ципко А.С.: С архитектурой связана ещё одна очень актуальная проблема: российская архитектура и российские типы идентичности.

Есть классические тексты, например «Моя родина» С.Н. Булгакова, в которых рассказывается о том, как православный храм формирует российское до-революционное самосознание. Однако этого типа самосознания уже нет, и основная сложность состоит в том, что мы не можем, в отличие от стран Восточной Европы, после распада СССР заняться воспроизведением старого типа идентичности. Поляки стремились решить этот вопрос ещё в 70-е годы, покрасив Краков, хотя в реставрации и не было особой необходимости, потому что социализм не сильно изменил тип идентификации. А вот воссоздать российский тип самосознания, связанный, прежде всего, с православием, невозможно. Важно учитывать тот факт, что в самой дореволюционной России было много типов идентичности (самосознание моих предков уже отличалось меньшей религиозностью, оно было больше имперским, надэтническим и культурным).

Другая проблема связана с советской идентичностью. Дело в том, что сталинские дома во многом повторяют постройки времён Гитлера и Муссолини. Хотя я считаю, что в СССР не было такого глубокого погружения в новый тип идентификации, как в нацистской Германии. Это объясняется тем, что Германия расположена в Европе, где сконцентрирована и старая, и новая архитектура. В то же время Советский Союз – страна крестьянская, поэтому будет большим преувеличением связывать советский тип идентификации исключительно с тем, что удалось построить Сталину.

Третья проблема состоит в определении того, что представляет собой новая российская идентификация в условиях, когда невозможна реконструкция ни дореволюционной, ни советской идентичности. Исследование этого вопроса даёт ключ не только к прошлому, но и к будущему. Без продуманной политики в этом отношении невозможно создать новую Россию как нечто устойчивое.



«Мы не можем, в отличие от стран Восточной Европы, после распада СССР заняться воспроизведением старого типа идентичности».

Ципко А.С.

Зимин Д.Б.: Сергей Титлинов сказал, что одним из направлений деятельности Екатеринбургского Художественного фонда является пропаганда патриотизма и государственности. Мне кажется, чрезвычайно важно определить, что такое «патриотизм» и «государственность».

Есть разные подходы к определению понятия «патриотизм»: патриотизм как гордость или патриотизм как желание учиться. Вспоминается строчка: «В сёлах Рязанщины, в сёлах Смоленщины слово “люблю” непривычно для женщины. Там, бесконечно и верно любя, женщина скажет: “Жалею тебя”». Так же и у меня: я жалею свою страну и хочу ей помочь. Для того, чтобы дать определение государственности, нужно задаться следующими вопросами: любите ли вы своё государство? Хотите ли его прославлять?

Что же касается архитектуры, могу сказать следующее: почти неделю я провёл в Монтрё, одном из лучших городов, где в архитектуре проявляются и буржуазность, и аристократизм, и я вспомнил, что наиболее достойные архитектурные сооружения Москвы – это бывшие частные особнячки, в которых сейчас расположены посольства. Именно на них наиболее приятно смотреть.

Мне кажется, что одна из основ архитектуры, загубленная в Советском Союзе, – это частная архитектура. Всё очарование Монтрё (и не только Монтрё), может быть, связано именно с набережными и частными особняками. Именно частная собственность и стимулировала основную потребность в высокой архитектуре, в массовой архитектуре. Таким образом, залог высококачественной архитектуры – это уверенность в своём будущем и частная собственность.

Я задаюсь вопросом: почему наша Таруса не Монтрё? Я вспомнил, что в Тарусе живёт Максим Осипов. Максим – хирург-кардиолог. Недавно были опубликованы его заметки о провинциальной жизни, которые многое говорят о нашем характере и архитектуре. Приведу два эпизода. Он вытащил с того света старушку. Она приходит к нему в больницу и



«Именно частная собственность и стимулировала основную потребность в высокой архитектуре, в массовой архитектуре. Таким образом, залог высококачественной архитектуры – это уверенность в своём будущем и частная собственность».

Зимин Д.Б.

в благодарность приносит банку огурцов. Он благодарит, но она не уходит и спрашивает: «А как насчёт банки?» Или вот ещё один эпизод. На Новый год Осипов взял домой с улицы полуодетого мальчишку. Мальчишку одели, обогрели, подарки подарили. Потом врач отводит его домой, где пьяный мужик спрашивает одетого мальчишку: «Если ты русский, православный, то зачем тебе вещи?» На следующий день Максим встретил этого мальчишку, но тот его не узнал и стал рассказывать: «Я вчера был в том доме у москвичей – богато! Наворовали!» Сейчас столицы, будь то Москва или Манхэттен, можно сравнивать. Я, например, считаю, что в Москве одни из лучших ресторанов мира. Но когда речь заходит о провинции, становится понятно, что это разные цивилизации.

Нисневич Ю.А.: Во-первых, политические процессы и политика всегда находят отражение в художественном творчестве. Поэтому и существует такая проблема политологического исследования: отражение политических процессов и политики в художественном творчестве. Среди художественного творчества архитектура и монументальная скульптура занимают особое место, потому что эти два вида искусства просто не могут существовать без участия власти. Причём власть не обязательно выступает заказчиком, но присутствует она всегда. При любой власти надо иметь разрешение на то, чтобы строить. Поэтому принципиальная вещь, которую, мне кажется, мы должны понимать, это то, что архитектура и монументальная скульптура (я не беру частную, я беру городскую архитектуру и скульптуру) – это прежде всего идентичность и идентификация власти, а не общества. Приведу два примера. Первый – это Мамаев курган: всё, что там сделано, очень похоже на то, что было представлено на выставке монументальных скульптур в Германии в 1936 г. Найти три отличия между этими произведениями почти невозможно. А во-вторых, необходимо понимать, что если власть сосредоточена, централизована, она будет часто использовать архитектуру и скульптуру в пропагандистских целях.



«Среди художественного творчества архитектура и монументальная скульптура занимают особое место, потому что эти два вида искусства просто не могут существовать без участия власти. Причём власть не обязательно выступает заказчиком, но присутствует она всегда».

Нисневич Ю.А.

Это неизбежный процесс. Так всегда и происходит – это подтверждает вся история человечества. Если власть структурно устроена по-другому, тогда появляется совершенно другая и скульптура, и городская архитектура. Можно привести бесконечное множество примеров тому: Вена – одна архитектура, Барселона – другая, потому что системы власти разные. Я сейчас не говорю о качестве архитектуры, дело не в этом. Дело в том, для чего архитектура и скульптура используются на самом деле. Анализируя архитектуру и монументальную скульптуру, можно идентифицировать и тип власти. Сегодняшняя Москва, в частности, служит наглядным тому примером: никакого стремления к художественному вкусу здесь по определению присутствовать не может. Власть другая, и эта власть даёт разрешение на строительство. Если проследить художественные тенденции в архитектуре и в монументальной скульптуре, можно четко идентифицировать тип власти. Сегодняшний московский пример, в отличие от известной, ставшей классической истории со Сталиным и гостиницей «Москва», – это безумные башни, которые в изобилии стоят в центре Москвы, и всем это безразлично. Есть люди, которые хотят сохранить Москву такой, какая она была; а есть те, которых это совершенно не интересует. В частности, это совершенно не интересует власть, и в результате мы получаем такую «современную» Москву. В противовес этому – примеры других столиц, в которых тоже есть модернистские тенденции, однако власть четко следит за тем, чтобы не нарушался исторический контекст. Мне кажется, именно в этом ключе и надо относиться к проблеме современной городской архитектуры и скульптуры, а не в контексте патриотизма и государственности – это бессмысленно. Какую власть мы имеем, такую архитектуру и монументальную скульптуру мы и получим.

Касамара В.А.: Давайте рассмотрим архитектуру и скульптуру как некое политическое сообщение. Тогда первый вопрос: каково это сообщение по форме? Либо оно демократическое, позволяющее уловить различные смыслы, либо, напротив, это сообщение жесткое, однозначное, претендующее на доминирование и вытесняющее все остальные. А может быть и так, что сообщение не несет в себе никакого смысла, является аморфным, бесформенным, никаким. И можно ли рассматривать форму этих сообщений как характеристики режима и политической идеологии? Второй вопрос: каково это сообщение по содержанию? О чем оно? Формирует ли оно идентичность, воспитывает ли в гражданах чувство патриотизма и т.д.? Давайте посмотрим, как различаются сообщения по форме. На мой взгляд, примерами демократических сообщений могут служить те столицы и города европейских государств, в которых гармонично соседствуют и уживаются разные исторические эпохи, выраженные различными архитектурными стилями. Например, Барселона. Город поражает своим архитектурным многообразием, смешением стилей, переплетением эпох и духа. Сохранена средневековая часть города, в которой никем не тронутые старые соборы образуют готический квартал. Тут же по соседству мы видим архитектуру, которая в XX веке претендовала на то, чтобы называться архитектурой XXI века. Рядом – Барселона Гауди XIX века с парком Гуэля.

И каким-то образом это всё соседствует, все гармонично сосуществует.

Есть города-музеи под открытым небом. Например, Флоренция, являющая собой воплощение властного заказа на то, чтобы себя увековечить, привлекая лучших людей своего времени. И поэтому Флоренция сразу ассоциируется и с Медичи, и с эпохой Возрождения. Или Венеция, которую все любят и куда все стремятся. Прага также гордится тем, что любая хибарка, имеющая отношение к XV веку, стояла, стоит и будет стоять – она является предметом гордости, историческим наследием, и никто не пытается ее реставрировать варварским способом. Современные здания строятся за пределами старого города, поэтому не возникает конфликта между историей и современностью.

Берлин выступает образцом того, как можно гармонизировать прошлое и настоящее, сохраняя память о жертвах фашизма. На мой взгляд, это уникальный пример того, как всего за двадцать лет удалось создать единое городское пространство, гармонично вмещающее различные стили, где различные времена уживаются вместе, дополняют друг друга, а не вытесняют, не заслоняют и не вычеркивают. Этот город всегда привлекал любителей архитектуры, получавших возможность увидеть в одном месте столько противоположных решений. Сегодня архитектура Берлина очень демократична, я бы даже назвала ее толерантной.

Примером «жесткого», фашистского сообщения может служить Рим времен Бенито Муссолини, когда «по живому» на месте императорских форумов была построена «улица Империи», которая похоронила многовековое архитектурное наследие. Примером «жесткого» сообщения могут быть сталинские высотки или ВДНХ. Таким образом, тоталитарная власть при наличии малейшей возможности пыталась вытеснить «архитектурные следы» предыдущих эпох или же перестроить все до неузнаваемости. Возможно, потому, что тоталитарной власти хочется создать как можно больше рукотворных памятников, с которыми бы её идентифицировали последующие поколения.



«Я бы предложила разделить патриотизм на два вида: «громкий» и «тихий» (меньше говорить и больше делать). Если посмотреть на скульптурные памятники Москвы, в большинстве случаев это проявления «громкого» патриотизма – когда мы пытаемся кому-то что-то доказать».

Касапара В.А.

Если же рассматривать аморфные сообщения, то, на мой взгляд, это современная Москва. Столица могла бы пойти по пути упомянутых европейских городов и найти место для современных построек так, чтобы не вытеснять и не уничтожать историческое наследие. Однако столица пошла по пути зарабатывания денег, поэтому говорить о вкусе и каком-либо стиле не приходится. Сегодня, к сожалению, Москва застраивается «результатами» коррупционных сделок.

Обратимся теперь к содержанию политического сообщения. О чем может говорить архитектура и скульптура?

Может ли архитектура формировать идентичность? Я бы обратилась к анализу зданий посольств. Например, здание посольства Финляндии в Москве, построенное в 1938 году финским архитектором Хилдингом Экелундом, является типичным примером финской архитектуры, стремящейся к максимальному функционализму. Какие-то страны даже проводят архитектурные конкурсы для того, чтобы построить здание своего посольства на территории другого государства (например, в этом году проводился конкурс на проект нового здания посольства Чехии в США). А кто-то, наоборот, готов поселиться там, где предложат, на что хватит средств и т.д.

Или обратите внимание на улицу зданий посольств в Берлине, которая по сути своей является «дипломатическим зоопарком». Какие-то страны предпочли занять бывшие здания ГДР без изменений, какие-то внесли свои национальные штрихи через отделку внешнего фасада, какие-то полностью все перестроили.

А теперь вспомним, как выглядят посольства нашей страны, например, в Берлине или Вашингтоне. Когда стоишь рядом с ними, создается ощущение, что попал в машину времени, которая перенесла тебя назад в СССР.

Конечно, раз на раз не приходится. Так, например, в Праге здание посольства России занимает один из самых красивых особняков, однако это всего лишь аренда.

Обратимся теперь к такому понятию, как «патриотизм». Я бы предложила разделить патриотизм на два вида: «громкий» и «тихий» (меньше говорить и больше делать). Если посмотреть на скульптурные памятники Москвы, в большинстве случаев это проявления «громкого» патриотизма – когда мы пытаемся кому-то что-то доказать. А есть примеры (их очень много в Европе), когда вы видите памятники, которые берут за душу и заставляют задуматься. Очень часто эти памятники бывают неприметными, они не бросаются в глаза, как, например, «Родина-мать зовет!» на Мамаевом кургане или памятник Петру I Зураба Церетели. В Берлине есть памятник сожжённым нацистами книгам. Если не знать, где он находится, то пройдёшь мимо, не помотришь вниз через окно на тротуаре и не поймёшь, что там стоят пустые книжные полки. Абсолютно разные памятники: одни кричат и на что-то претендуют, а другие оставляют след в душе.

Исследовать «громкость» патриотизма можно было бы через анализ генеральных планов столиц и городов.

Обратимся к генеральному плану Вашингтона: на первых страницах увидим кредо города: «Наследие, гордость и развитие – это и есть наш город». Одна из основных целей плана – сохранить и поддержать сильный и позитивный образ и идентич-



ность Вашингтона. В центре всей концепции плана – слово «гордость». Проведем простой контент-анализ генерального плана Москвы, который в последнее время вызвал столько ожесточенных споров. Слово «гордость» там не встречается ни разу.

Откройте план Лондона: на первых страницах вы увидите историю города, обращение мэра, пропитанные гордостью слова о том, что Лондон – одна из самых культурных столиц в мире, которая привлекает туристов со всех частей света, город с богатейшей историей и традициями.

Планы и Вашингтона, и Лондона приятны визуально, с ними может разобраться любой среднестатистический житель. И это понятно – план пишется для людей, принимается людьми и жить по этому плану людям.

На что похож генеральный план Москвы? Почти 200 страниц «пятилеток в четыре года», идей о том, что надо все увеличить на 130, 150, 200 процентов. Если вчитаться, становится понятно, что этот план принят не для людей, а для очередной легализации неформального распила бюджетных потоков.

И ещё один момент: мы сегодня уже говорили о частной жилой застройке, а теперь давайте проведем сравнение. Весь мир считает своим долгом поехать в Париж и побродить по типовой застройке – по парижским бульварам. Теперь представьте себе, что весь мир приезжает на Новый Арбат или проспект Сахарова и желает там побродить. Здесь в очередной раз возникает мысль о том, какое сообщение несёт власть. Если мы проанализируем последние 20 лет, то вряд ли найдем демократическое сообщение и «тихий» патриотизм; скорее всего, мы обнаружим распилы бюджетов, которые воплотились в чём-то типа Дома музыки или гостиницы «Москва».



Кантор В.К.: Власть и город – вещи связанные. Каждый правитель желал иметь столицу и строил эту столицу «под себя». Начиная от Хаммурапи и Александра Македонского и вплоть до современной Европы, можно наблюдать этот процесс. Эпоха империй породила властные столицы – Лондон, Лиссабон, Вена и т.д. Там «имперскость», власть над миром чувствуется почти в каждом архитектурном штрихе. XX век, век восстаний масс, породил три новых типа архитектурных подходов к жизни.

1. Попытка конструктивного (конструктивистского) реального европейского решения проблем, вошедших в историю огромных коллективов, – это, скажем, Корбюзье, думавший не о вождях, а о людях;

2. Появление тоталитарной архитектуры в нацистской Германии и большевистской России – архитектуры, возвышающей власть. Здесь прослеживается явная ориентация на Древний Восток, на возвышение властителя, давящего чернь, но поднимающего обслугу и приближенных (сталинские высотки);

3. Архитектура богатой индивидуалистической страны (США), архитектура ориентированная на индивидуума. Пример - Франк Ллойд Райт.

Но поговорим о России. У Е.Н. Трубецкого есть замечательный образ России как плоской равнины, над которой поднимаются церкви – единственная вертикаль, возвышающая душу человека. Понимание того, что вертикаль должна быть у русского человека, к сожалению, отсутствует. Понимание равнинное, а всё, что над равниной, сносится. В начале восьмидесятых я занимался исследованием разрушенных церквей. Самое для меня поразительное открытие состояло в том, что церкви ломали не по приказу сверху, это была низовая, народная инициатива. Так неожиданно

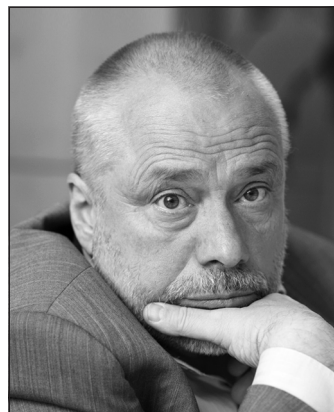
подтвердились слова Е.Н. Трубецкого. Иными словами, в России вертикаль может поддержать только власть. А уж какая власть, такая и вертикаль.

Когда-то Россия была Гардарикией, страной городов, форпостом Европы против Степи. После монгольского нашествия Россия стала страной деревенской, в глубине души ненавидящей города. Это чреватое катастрофами сознание. Вы едете по России вспаханной и неспаханной, пустынной, а ведь это тоже начало архитектуры, то, с чего начинается жизнь. В этой пустоши возможны лишь гениальные проекты. Однако осуществление почти всегда находится в руках не очень адекватной власти. Россия – страна проектная, которая ни разу не доводила проекты до конца. Архитектура – это ведь некое сообщение; то, как власть представляет себе свои взаимоотношения с народом. Сталинские высотки (блистательная затея установить свою вертикаль власти) были единственным после Октября архитектурным сообщением, которое пришло от власти к народу. Нынешняя архитектура никакого сообщения не несёт, потому что власти нечего сказать. Страна и архитектура разбежались по люмпен-миллионерам. Вертикаль нужна. Вспомните, как парижане были возмущены Эйфелевой башней. Мопассан писал о том, что она давит ему на мозг своей пошлостью. А теперь это символ Парижа. Где же наша Эйфелева башня?

Вертикаль – это то, что структурирует культуру, структурирует город. В России есть один структурный город, построенный с чётким посланием – это Петербург. Он строился Петром сознательно. Он сочетал в себе разные стили, но стили европейские. Стоит сравнить, скажем, Шёнбрунн, венскую резиденцию австрийских императоров, с Петергофом: идея близкая, но размах другой. Пётр строил русскую Европу с русским размахом. И это ему почти удалось.

Архитектура структурирует человека. С нее всё начинается.

Вертикаль нужна. Вертикаль возникает тогда, когда страна становится городской. Стала ли Россия городской страной? Этот вопрос я и хочу поставить.



«Архитектура – это ведь некое сообщение; то, как власть представляет себе свои взаимоотношения с народом. Сталинские высотки (блистательная затея установить свою вертикаль власти) были единственным после Октября архитектурным сообщением, которое пришло от власти к народу. Нынешняя архитектура никакого сообщения не несёт, потому что власти нечего сказать».

Кантор В.К.

Аузан А.А.: Я абсолютно согласен с такой постановкой вопроса. Мы говорим об идентификации. Мы выходим из имперского прошлого, и непонятно, можно в него вернуться вновь или нельзя. Непонятно, какая мы нация, потому что нация характеризуется набором ценностей. Разговор об образах и есть выбор этих ценностей.

Русская культура, как известно, литературоцентрична, а глобализованная культура киноцентрична. Мы же с вами говорим про архитектуру и скульптуру, поэтому в этом смысле нас интересует не весь набор проблем ценностного выбора и идентификации, а одна очень специфичная вещь.

Во-первых, давайте поговорим о частной архитектуре, о том, как она возникла в России. Я полагаю, Россия сейчас создаёт совершенно уникальный ряд образцов частной архитектуры. Я имею в виду заборы. Забор является символическим сооружением современной России. Какие только не бывают заборы по высоте, плотности, укрепленности! Я не утверждаю, что это специфичное национальное явление, но, например, в Литве стоят дома неогороженные, а те, что огорожены, купили русские. То же самое на Кипре. Мы несём этот забор с собой, и неважно, какого места достигает наш взгляд или наш капитал. Мне кажется, это важно исследовать, потому что это идея, которую несёт частная архитектура, и состоит она в обособленности, закрытости, разделённости. Я вообще считаю, что измерители социального капитала, которые используются обычно, например социологические опросы по уровню доверия, для России плохо применимы. В России этими измерителями могут служить плотность и высота заборов.

Это тема для серьёзного исследования, потому что забор в данном случае выражает нечто большее, чем то, что за ним спрятано.

Теперь по поводу вертикали и строительства карандашей: сообщение есть, но оно очень банально. Вообще, достаточно банально сообщение, которое несёт в себе небоскрёб в Абу-Даби или Астане. Он сообщает о том, что мы очень богаты, мы очень хотим чего-то.



«Я вообще считаю, что измерители социального капитала, которые используются обычно, например социологические опросы по уровню доверия, для России плохо применимы. В России этими измерителями могут служить плотность и высота заборов».

Аузан А.А.

Именно в столице власть пытается сказать новое слово, сказать, что она не такая, как предыдущая власть. Я бы решил эту проблему по-другому. Я согласен, что здесь есть противоречия со средой, с обществом, которое не существенно для столицы – власть не считает, что в столице есть коренное население. В столице есть чиновники, которые работают на страну, на империю, на республику. Это противоречие решается вынесением столицы в чистое поле. Если власть хочет творить что-то новое, она должна это делать в степях в районе Оренбурга, например. Новая власть свои сообщения о том, что она глобальная, богатая, мощная, будет создавать в чистом поле.

Мне кажется, скульптура более гражданственна. Если говорить о таких городах, как Омск или Вологда, деревянная скульптура на скамеечке около Вологодского кремля, вылезавший из люка человек на Омской улице – они гораздо более человечны, соразмерны, они говорят о более тонких и деликатных вещах.

Чубайс И.Б.: Ключевые слова, которые сегодня звучали: «архитектура», «политика», «патриотизм».

Чтобы разобраться в этом треугольнике, я бы предложил для начала определить, что такое «патриотизм». Это, конечно не военно-патриотическое воспитание, не «ура-патриотизм», это, по А. Михнику, «осознание личной ответственности за преступления, совершённые от имени твоего народа». Если определить патриотизм так, становится понятно, что при нынешней власти он совершенно не нужен, более того, он недопустим.

Можно предложить другое определение: патриотизм – это переживание за свою страну. Подобно тому, как мать любит и переживает за своего ребёнка и потому может его отшлёпать, а может и расцеловать. Тот, кто переживает за свою страну, может эту власть за ее бездарные действия ненавидеть, а может в какой-то ситуации и похвалить. Но ведь нынешней власти абсолютно не нужно, чтобы её критиковали. Поэтому патриотизм, эта иммунная система общества, нынче не востребован и почти разрушен.



«Пока мы не разберемся со своей идеей и идентичностью, с нашими и не нашими ценностями, мы не поднимем страну и ничего не получится ни с архитектурой, ни с чем-либо еще».

Чубайс И.Б.

Эти утверждения можно проиллюстрировать примерами из архитектурной политики. Когда восстанавливали храм Христа Спасителя, одно из главных сооружений исторической России, многие высказывались в поддержку проекта, и почти не было оппонентов. Когда появилась частная шашлычная «Антисоветская», в СМИ началась истерика: «Как можно осквернять советские символы?!» – вопрошали некоторые. В то же время главные символы советской архитектуры, – гостиницы Красная «Москва» и Советская «Россия» – снесла до основания сама власть, и ни один человек не разрыдался, не выбежал на Красную площадь, не повесился. И никакой агиткампании в СМИ не было.

Сделаю из этого два вывода. Первый: защита советских символов происходит только по команде властей и носит искусственный характер.

Второй: сочетать советское и российское так же нелепо, как объявить одновременное введение лево- и правостороннего движения. Политика «винегрета» разрушает патриотизм (нельзя же любить и ФРГ, и Третий Рейх одновременно) и формирует полную социальную индифферентность, полное безразличие жителей к тому, что происходит.

Повторю, что патриотизм – это важнейшее социальное качество. Однако у нас почти невозможно быть патриотом, потому что патриотизм предполагает соблюдение еще двух условий (помимо того, которое мы уже коротко проанализировали: непротиворечивое представление о собственной стране). Любовь к своей стране, к своему народу возможна тогда, когда можно выложиться по полной, отдать максимум этой стране. У нас же деятельные люди всегда мешают власти и не вписываются ни в какие официально-традиционные структуры. 80% докторов наук в замечательное ельцинское время вынудили покинуть страну (специалисты по «научному коммунизму» остались почему-то невостребованными Западом, а вот технари уехали), и назад они приехать не могут, несмотря на то что сейчас СМИ поют громкую песню про модернизацию. Несколько сотен ученых, вынужденных эмигрантов, написали письмо президенту, предложили вернуться домой, но на них плюнули и ответили отпиской. Как можно работать на свою страну в такой ситуации? Как можно быть патриотом?

Другое условие формирования патриотизма – забота Родины о тебе. Можно ли говорить, что родина о тебе заботится, если у нас 3 миллиона бомжей, а уровень дохода 10% «высших» и 10% низкообеспеченных граждан отличается не в 5-6 раз (как это принято в развитых странах), а в 70-90 раз?

Пропагандируемый постсоветскими СМИ идеологический винегрет порождает вполне конкретный практический вопрос: кого сегодня должен защищать молодой человек, призванный в армию? Олигархов, бомжей, мавзолеев Ленина или Петропавловку и захоронение Николая II? Представление о Родине у нас разрушено, поскольку Кремль пытается соединить ценности не просто разные, но взаимоисключающие. Повторю, советское и российское несовместимо. Мне очень интересно посмотреть какой символ вы нашли (прим.ред.: обращение к Титлинову

С.В.), но я не могу его себе представить. Однако несмотря на все эти противоречия, патриотизм существует. Как говорил наш писатель Л.М. Леонов: «В хорошую погоду всякий Россию любит, а ты её и в плохую люби». Пока мы не разберемся со своей идеей и идентичностью, с нашими и не нашими ценностями, мы не поднимем страну и ничего не получится ни с архитектурой, ни с чем-либо еще.

Павловский Г.О.: Я вообще не понимаю, при чём тут патриотизм. Тема у нас «Архитектура и скульптура как факторы политической идентичности». Здесь в основном собрались не специалисты по архитектуре и эстетике. Мы можем вести дискуссию только в рамках своей темы, что очень важно. Мы можем обсуждать только то, в чём мы разбираемся. Я не понимаю цифры, представленные Сергеем Титлиновым: насколько это плохо, с чем это сравнивать и о чём это вообще говорит. Мы все знаем, что в России произошло поразительное, быстрое снижение качества архитектуры – это факт. Она как бы исчезла. При этом мы помним, что в 80-е годы прошлого века казалось, что в этой сфере у нас нет больших проблем: были очень интересные заделы, интересные архитекторы, интересные проекты.

С другой стороны, в 80-е были очень мощные движения защитников архитектурной среды.

Я подчеркну, именно среды, а не просто отдельных зданий. Всё это рухнуло.

Примечательно, что в конце 80-х архитекторы создавали кооперативы двух типов: по клёпке железных дверей и по возведению литых заборов, потому что спрос был на двери и заборы. Это очень интересно с точки зрения культуры.

Очевидно, что московский мэр – нигилист. Ему чужда какая-либо концепция. Кстати, почти все элементы московской архитектуры мы найдём в Сан-Франциско периода «шалых денег».

Почему нам нравятся частные особнячки в Москве? Потому что всё остальное уничтожено.

Московские улочки перестали существовать.



«Московские улочки перестали существовать. В особнячках поселились посольства. Получилось так: нет ни новой архитектуры, ни старой среды. Это действительно уникальное явление, потому что даже в Украине в 90-е годы не было такого разрушения».

Павловский Г.О.

В особнячках поселились посольства. Получилось так: нет ни новой архитектуры, ни старой среды. Это действительно уникальное явление, потому что даже в Украине в 90-е годы не было такого разрушения. Там устанавливали маленькие памятники – полуметровые, метровые. У них существовало, видимо, какое-то уважение к остаткам среды.

Мы действительно живём в стране, которую несколько раз систематически уничтожали. Уничтожали именно социальную человеческую среду. Поэтому бессмысленно ещё раз нам об этом напоминать. Вопрос в том, какая архитектурная политика должна быть в этой среде? Патриотизм – это понятие не всем ясное.

Мы можем зафиксировать уникально бедственное состояние архитектуры в России, приписать ему любое политическое значение, но проблема-то не решится. Хотелось бы все же услышать мнения тех, кто имеет отношение к архитектуре, потому что ссылки на тяжёлое политическое положение совершенно ничего не объясняют. Германия, как известно, находилась в совершенно разгромленном состоянии и очень тяжёлой политической ситуации, но вся ценная архитектура Германии возникла именно в этот период. Немецкая империя внесла в немецкую архитектуру мало позитивного, так что никакой прямой связи здесь нет. Вопрос в том, где политика архитекторов? Где политика тех, кто их поддерживает и защищает? Где политика тех, кто требует определённой концепции обращения со средой? Вот этой политики нет. Ни одна политическая сила, хоть властная, хоть антивластная, не даёт ответ на этот вопрос в своей программе.

Урнов М.Ю.: Хочу обратить ваше внимание на то, что в ходе нашей дискуссии выкристаллизовалась новая проблема. В начале заседания мы поставили вопрос о том, влияет ли архитектура на идентичность. Формирует ли архитектура патриотизм? Между тем эксперты обращают внимание на обратную связь между архитектурой и идентичностью: похоже, что отличимый архитектурный стиль появляется тогда, когда в обществе есть глубокий внутренний порыв к осмыслению себя, когда идентичность интенсивно формируется или уже сформирована. Сейчас же мы видим воплощённое в камне отсутствие каких бы то ни было высоких порывов.

Давидсон А.Б.: Говоря о влиянии властной политики на архитектуру, нельзя не обратиться к историческому опыту, тем более что в нашей стране он весьма поучителен. Не буду касаться древности и Средневековья, но с Петра I до Александра II, мне кажется, основной линией была европеизация городской архитектуры, прежде всего в столице – в Петербурге. Направлялась ли эта европеизация прямыми директивными указаниями? Скорее всего, она воспринималась как естественный процесс – Петровское «окно в Европу».

Определенное давление появилось при Александре III, а именно, поиск своего, отечественного, автохтонного стиля, не вполне западного. Проводился этот поиск в соответствии с идеями К.П. Победоносцева. В Москве примером такого стиля

служит здание, в котором сейчас находится французское посольство.

Не создается впечатления, что при Николае II шло прямое политическое давление на архитектуру. Да, на центральных улицах Петербурга запрещалось строить дома выше пяти этажей, но это было вызвано стремлением сохранить установившийся облик города. К тому же, домовладельцы и архитекторы легко обходили этот запрет: шестой этаж воздвигали, чуть отодвинув его назад, чтобы с улицы он не очень бросался в глаза.

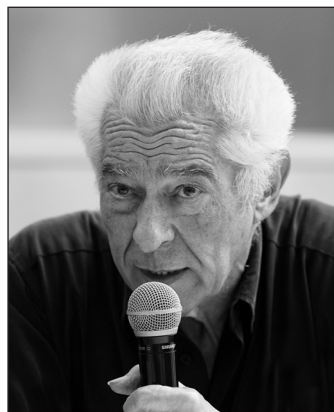
В советские 1920-е годы появились здания в духе конструктивизма, но в дальнейшем этот стиль властью не поощрялся.

В межвоенный период возникла тенденция (долго она, правда, не удержалась) строить жилые дома, символизирующие социалистическое общежитие – без кухонь в квартирах, а с большой общей кухней для всех жильцов. Такой дом сохранился в Петербурге на улице Рубинштейна (рядом с Невским проспектом). Дом прозвали: «Слеза социализма». Он был построен настолько плохо, что крыша часто протекала. В этом доме, кстати, долгие годы жила Ольга Берггольц.

Вообще же в советское время жилых домов строилось очень мало. В последние годы Сталина и по его прямым указаниям в Москве появилось несколько помпезных высоток. Широко жилищное строительство началось только в годы «оттепели» – с 1955-1957 годов.

Перед архитекторами и промышленностью власть поставила задачу не изыскивать новые красоты стиля, а наладить типовое массовое дешевое строительство. Многие тогда впервые получили возможность переселяться из перенаселенных квартир и подвалов. Появлялось все больше отдельных квартир, которые в сталинское время были большой редкостью.

В конце 1950-х возникла даже система «самстроев»: те, кто вообще не имел жилья или чьи условия



«О нескольких помпезных московских высотках, строительство которых никак не улучшало быт простых людей, теперь зачастую говорят с придыханием: «сталинская архитектура», а дома, которыми действительно был хотя бы частично решен жилищный вопрос, презрительно именуют хрущобами».

Давидсон А.Б.

жизни были совсем уж бедственными, могли по рекомендации своих учреждений участвовать в строительстве жилых домов в качестве строительных рабочих (этой возможностью в 1958 и 1959 годах воспользовался и я – отработав на стройке полторы тысячи часов, закончил монтажником-высотником).

Появление этих неказистых дешевых домов заметно сократило «жилищный голод». Но вот парадокс: о нескольких помпезных московских высотках, строительство которых никак не улучшало быт простых людей, теперь зачастую говорят с придыханием: «сталинская архитектура», а дома, которыми действительно был хотя бы частично решен жилищный вопрос, презрительно именуют «хрущобами», распространяя это презрение и на Хрущева, который все-таки этой своей политикой ослабил чудовищный кризис. Какие выводы можно сделать из этого парадокса?

Титлинов С.В.: Мне очень понравилось то, что сказал И.Б.Чубайс по поводу патриотизма: «Патриотизм – это переживание за свою страну». Когда мы формулировали тему конкурса, мы имели в виду именно это – как современные архитекторы, современные скульпторы расшифровывают для себя понятие «наше Отечество». Ещё раз приведу цифры, поясняющие, что архитекторы подразумевают под темой «Наше Отечество».

– Архитектура музеев, т.е. что-то связанное с историей, культурой собственной страны – 17% от всех представленных на конкурс произведений.

– Мемориальные комплексы – 17%.

– Городская среда и благоустройство – 17%.

– Храмовые, культовые сооружения – 14%.

– Жилые здания и комплексы – 3%.

Так что современные архитекторы жильё в этом контексте не рассматривают. Валерия Касамара сказала: «Можно любить громко, можно любить тихо». Так вот, архитектура жилых зданий, жилых комплексов – это и есть тихая любовь. Но никто не хочет любить тихо. Все хотят любить, громко. Поэтому сегодня мы наблюдаем (это вы увидите в любом спальном районе), что архитектура жилья не имеет никаких национальных признаков, она абсолютно индифферентная, обыденная, лишённая каких-либо эмоции. Эта архитектура потом переходит в эту же среду, и при этом мы хотим, чтобы люди любили свою родину. Но любовь к родине начинается с малой родины, со своего двора. Масштаб пространства нашей страны таков, что мы не можем его осознать. Так, например, большинство людей не осознает, что культурное наследие Читы или Северного Кавказа – это тоже часть нашей культуры.

Архитектура и скульптура являются частью культурной среды наряду с другими составляющими (музыкой, литературой, кинематографом и т.д.), и все вместе они воспитывают наших граждан. Насколько их влияние серьезно? Наверное,

в коротком промежутке времени телевидение, радио, газеты, журналы могут оказывать большее влияние. Но совершенно точно, что архитектура и скульптура несут в себе какое-то послание. Даже если мы его не считываем, послание всё равно есть. И сегодня его можно чётко проследить. Это послание коммерческое. Отсюда вытекает «диагноз»: не архитектура оказывает влияние на власть, а власть оказывает влияние на творцов. Творцы же, как лакмусовая бумажка, отражают это в своём творчестве.

Сегодня на Форуме приводились в пример очень заметные здания. Неважно, Берлин, старая Москва, Москва времён Сталина или проектируемое здание в Петербурге – эти символы относятся в основном к столицам. Но жизнь сосредоточена не только в столицах. Например, в Екатеринбурге тоже есть своя жизнь и свои послания в архитектуре. Может быть, разрушение и видоизменения городского пространства там даже более значительно, поскольку культурный слой там не такой большой и толстый, а потому его очень легко разрушить.

Я объехал 17 регионов. В процессе конкурса встречался со скульпторами, архитекторами, студентами и преподавателями профильных вузов, и у меня состоялся занятный разговор в Санкт-Петербурге в Союзе архитекторов. Представители разных поколений архитекторов, застраивавших Петербург, говорили: «Мы не понимаем, что вы от нас хотите. Есть частный заказчик. Он нам заказывает, и мы строим. Никаких национальных черт при этом мы не собираемся закладывать, потому что это не нужно заказчику». Я спросил, почему они так протестуют против Охта-центра, ведь, по сути, они унавозили почву, на которой сегодня всё и произрастает. Либо этому не позволит произрасти какое-то политическое решение, либо произрастёт что-нибудь другое.



«Архитектура и скульптура несут в себе какое-то послание. Даже если мы его не считываем, послание всё равно есть. И сегодня это послание коммерческое. Отсюда вытекает «диагноз»: не архитектура оказывает влияние на власть, а власть оказывает влияние на творцов».

Титлинов С.В.

Пенская Е.Н.: «Архитектура и власть» – тема безразмерная, а потому легко можно впасть в демагогию и свести все к перечислению общих моментов. Во избежание этого важно договориться, о какой архитектуре, о каких памятниках идет речь. Архитектуры «вообще» не бывает. Она всегда предельно конкретна и очень плотно вписана в контекст времени и истории. Важно помнить, наверное, о том, что архитектура, вернее мысль о ней, всегда существует на стыке искусства, искусствоведения и самой что ни на есть жесткой политики и коммерции, поскольку этот вид творчества всегда затратный, ориентирован на заказчика, отвечает вполне определенной прагматике, задачам, поставленным и оплаченным заказчиком. Поэтому не может быть архитектуры «в стол», «про запас», «для себя», как это нередко случается с литературой, музыкой или живописью. Работа с фактурой, грубым материалом – вещь жестокая: мастер выполняет заказ и вместе с тем ставит свои условия.

Мне кажется, у разговора «об архитектуре и власти» есть свой немалый срок, а внутри него – особый русский давний отсчет, почти всегда болезненный и надрывный.

«Скажу вам, не шутя, что я болею незнанием многих вещей в России, которые мне необходимо, нужно знать. Я болею незнанием, что такое нынешний русский человек на разных степенях своих мест, должностей и образований. Все сведения, которые я приобрел доселе с неимоверным трудом, мне недостаточны для того, чтобы «Мертвые души» мои были тем, чем им следует быть. Мне показалось только то непреложной истиной, что я не знаю во все России, что много изменилось с тех пор, как я в ней не был, что мне нужно почти сызнова узнавать все, что ни есть в ней теперь. А вывод из всего этого вывел я для себя тот, что мне не следует выдавать в свет ничего, не только никаких живых образов, но даже и двух строк какого бы то ни было писания до тех пор, покуда, приехавши в Россию, не увижу много своими собственными глазами и не пощупаю собственными руками. Вижу, что, укорившие меня в



«Архитектура сверхчувствительна к смене политических и культурных языков. Она всегда показывает температуру состояния политики, очень точно измеряет градусы и реагирует на них».

Пенская Е.Н.

незнании многих вещей и несоображении многих сторон, обнаружили передо мной собственное незнание многого и собственное несоображение многих сторон...» — это Н.В. Гоголь, «Выбранные места из переписки с друзьями». Его же «нужно проехать по России» часто вспоминается и всуе, и по делу.

Об архитектуре у нас обычно пишут пронзительные мартирологи. Лучшее, что написал Владимир Солоухин, «Письма из русского музея», содержит выразительный перечень архитектурного мученичества как истории приступов властной паранойи. Вот как он спокойно приводит эти «расстрельные списки», жертвами которых были не люди, а некогда живые памятники:

«Архитектура Москвы, московский исторически сложившийся ансамбль создавал определенную атмосферу, настроение, определенным образом воздействовал на сознание, на характер людей, на их житейское и творческое поведение...

Для того чтобы человеку испортить лицо, вовсе не нужно отрубать голову. Чтобы Самарканд перестал быть Самаркандом, вовсе не нужно сносить весь город, достаточно уничтожить... несколько удивительных произведений магометанского зодчества эпохи Тамерлана. Этих произведений, этих памятников архитектуры всего лишь несколько. У меня нет под рукой путеводителя, но, право же, их не более десяти. Без этих десяти сооружений Самарканд как исторический памятник не существует.

С начала тридцатых годов началась реконструкция Москвы... Да и не везде была реконструкция. Лучше всего об этом говорит то, что на месте большинства замечательных, удивительных по красоте и бесценных по историческому значению древних памятников архитектуры теперь незастроенное, пустое место. Я не хочу злоупотребить вашим терпением и назову хотя бы некоторые из них.

Перед входом в ГУМ со стороны Никольской улицы (улица 25 Октября) вы замечали, вероятно, никчемную пустую площадку, на которой располагаются обычно продавцы мороженого. Здесь стоял Казанский собор, построенный в 1630 году.

Наверное, вы знаете стоянку автомобилей там, где Столешников переулочек выходит на Петровку. На этом месте стояла церковь Рождества в Столешниках XVII века.

На Арбатской площади со стороны метро, где теперь совершенно пустое место, поднималась красивая церковь XVI века.

Напротив Военторга украшала Воздвиженку (проспект Калинина) церковь в стиле южнорусской деревянной архитектуры, построенная в 1709--1728 годах.

Я продолжу перечень, но более схематично.

Церковь XVI века на углу улицы Кирова и площади Дзержинского. Сломана. Теперь пустое место.

Церковь Фрола и Лавра (1651–1657 годы) на улице Кирова, наискосок от почтамта. Сломана. Пустое, захлавленное место.

Церковь XVII–XVIII веков на углу улицы Кирова и улицы Мархлевского. Сломана. Пустое место. Фанерные палатки.

Памятников архитектуры в Москве уничтожено более четырехсот, так что я слишком утомил бы вас, если бы взялся за полное доскональное перечисление».

Оппоненты скажут: «Не стоит преувеличивать масштабы бедствий. Архитектурный вандализм – дело привычное и неизбежное на всех этапах истории, не только российской. Возьмите Париж, Берлин, Лондон – вся европейская городская среда неизбежно претерпела вытеснение старого новым. Не стоит биться в истерике. Архитектура при всей публичности и при всей своей наглядности – вещь очень интимная, именно потому, что она на виду и принадлежит каждому. И всё, что связано с любым вмешательством в архитектуру, и то, что связано в свою очередь с вторжением нового строительства в старую обжитую среду, очень остро и болезненно переживается каждым, осознается как глубоко личная травма. И, может быть, поэтому архитектура сверхчувствительна к смене политических и культурных языков. Она всегда показывает температуру состояния политики, очень точно измеряет градусы и реагирует на них».

Все так. Но в то же время не совсем. В российской истории архитектурные дела почему-то всегда – форпост, передний край фронта, где начинаются войны власти с собственным народом. Происходящее с архитектурой обычно вольно или невольно представляет первые, но уже очень наглядные свидетельства неблагополучия.

Говорят, архитектура – застывшая музыка. Она – еще и вполне красноречивый документ военных действий, военная улика.

В русской реальности «архитектурные беседы» существуют обычно в двух измерениях: в виде путевых заметок, туристических очерков, походного просвещения и в форме публицистических баталий. Последние с начала 1990-х стали постоянным фактом журналистского обихода. Архитектура как медийный сюжет – интриги, коллизии, страсти, разворачивающиеся вокруг него, постоянство присутствия в повестке дня и информационном поле – отдельная тема, которая еще ждет своего исследователя.

Амнуэль Г.М.: Вся наша история, впрочем, как и в других странах, неразрывно связана с архитектурой и со скульптурой, потому что монументальная пропаганда власти и политики является наиболее зримым, наиболее важным и долговременным, долговечным продолжением идей. В отличие от кинематографа, который иногда можно положить на полку или «смыть», в отличие от литературы, которую можно сжечь, архитектура почти всегда остаётся на века. XX и XXI века при всей гигантской смене технологий и ускорении темпов развития подтверждает эту константу. Реализованные проекты можно либо сносить, либо переделывать, но и то и другое обычно затратно. И хотя новые принципы и технологии, особенно в Москве, сделали и этот процесс очень выгодным, память, закреплённая в монументальном искусстве и архитектуре, остаётся наиболее долговечной. Поэтому я тезисно обозначу основные противоречия и проблемы, которые я вижу. Да, и ещё одно маленькое добавление, так же как и многие собравшиеся за этим столом, я мог бы поделиться путевыми заметками и наблюдениями посещения многих стран мира, но я считаю, что лучше будет остановиться на взгляде на свою территорию и историю, ибо она всегда по воле нашей власти и народа самобытна.

Что происходило сразу после революции? Прежде всего, уничтожение памятников дому Романовых. После этого сразу же началось сооружение новых, советских памятников. Это была обязательная формула, которая должна была заместить пустующие постаменты, пустующие площади наших городов и сёл. Происходило замещение идеологии. В результате мы получили замечательную страну, покрытую памятниками, которые стоят с протянутой рукой до сих пор. Памятники людям-символам, на которых мегатонны и мегалитры крови и человеческого страдания. Сносим ли мы их? Нет, не сносим. Нужно ли их сносить? Думаю, нужно, потому что очень трудно объяснять новым поколениям, что памятники могут ставиться не только хорошим людям, но и извергам.

Мне трудно представить молодую современную маму, которая в Краснодаре оказывается с маленьким ребёнком на одном из центральных бульваров у здания краевого парламента. Там друг напротив друга стоят памятник Ленину и восстановленный памятник Екатерине II. Попробуйте объяснить ребёнку, который ещё не успел прочитать учебник истории, взаимосвязь между этими двумя памятниками. Видимо это будет так: «Этот милый дядя в кепке стрелял в правнуков этой тёти в замечательном платье, и оба они делали Россию великой страной».

Шизофрения государственного фундамента в детской голове, с моей точки зрения, при такой наглядной агитации обеспечена. Это объяснение разрушает ментальные ценности, которые должны существовать в обществе.

Частная собственность, о которой справедливо говорил господин Зимин, это важно, но, с моей точки зрения, не менее важна ментальная и культурная составляющие. Наша постперестроечная частная собственность привела к тому, что на Рублёво-Успенском шоссе огромное количество архитектурных сооружений многомиллионной ценности. Однако они стоят за гигантскими заборами, которые сооружаются с нулевых годов (первым таким забо-



«В отличие от кинематографа, который иногда можно положить на полку или «смыть», в отличие от литературы, которую можно сжечь, архитектура почти всегда остаётся на века».

Амнуэль Г.М.

ром можно считать забор вокруг Белого дома). И сооружены эти особняки не по воле архитектора, а по воле владельца этой частной собственности, и «аляповатость» – слово, часто благородное по отношению к этим сооружениям.

Хочу отдельно остановиться на факторе Второй Мировой войны. Говоря о последствиях, мы не можем не вспомнить о странном наследии уральских, сибирских городов да и Москвы: немецкие проекты, воплощённые пленными немецкими строителями в городах России от Хорошовки до Сибири. В этих домах с удовольствием жили люди, многие из которых пришли с войны, и кварталы эти иначе, чем «немецкими», не назывались. Но жители и внутренне, и внешне были очень благодарны за эти дома, так как они очень выгодно отличались от советских построек уютом и качеством. Пожалуй, это уникальный случай, когда побеждённая сторона архитектурно положительно повлияла на страну победителя.

Не секрет, что многие конструктивистские, авангардные проекты поддерживались НКВД. И в этом также состоит отличие от ситуации с конструктивизмом. Система приспособлявала под себя конструктивистскую архитектуру, которая максимально помогала системе устраивать жилища-соты, прослушиваемые и контролируемые органами. А вот конструктивистское авангардное изобразительное искусство система решительно отвергала как ненужное, слишком свободное и даже анархистское для народных масс.

Что мы имеем сегодня? Первое – действительно гигантское количество заборов. Второе – попытка копирования мировых достижений. Наши руководители, которые приходили к власти в достаточно зрелом возрасте, первую половину своей жизни в своем подавляющем большинстве не ездили дальше Мытищ. Они очень плохо представляли себе мировую культуру. Естественно, поражённые каким-то видом, они старались его скопировать. Разумеется, это не ново – достаточно вспомнить растиражированные по миру «шёнбруны» и «версали». Сталинские высотки были во многом повторением домов Вашингтона (размах горизонтали) и Нью-Йорка (вертикали), которые показывали Сталину на фотографиях и в кино. При этом шпили на них были надстроены наподобие кремлёвских башен, только орлы на них были заменены на звёзды. Так что принцип небоскрёба пришёл из-за океана и теперь достаточно прочно врос в архитектуру наших городов. Хрущев, проехав по США и зная про реализуемый план Маршала-Эрхарда, осуществляет минимализм архитектуры – «панельные хрущёвки», решая главную в то время проблему обеспечения людей хоть каким-то жильём, а не бараками сталинского общежития.

Брежнев во время своего первого визита во Францию получил от Помпиду в качестве подарка роскошный архитектурный альбом, в котором были фотографии круглых домов – и, пожалуйста, Матвеевское и Мосфильмовскую украсили подобные сооружения. Многие губернаторы-политики пытаются увековечить себя в строительстве высоток или памятниках. По всей стране как грибы растут восстанавливаемые и строимые заново копии храма Христа Спасителя – огромные, высокие,



золочёные символы процветания эпохи нулевых. Одно жалко, души в них зачастую слишком мало. Нагляден пример архитектурного конфликта в Питере: «Хотим, чтобы было как в Москве!». А бесконечная проблема переименования улиц, а политические взрывы от переноса, сноса или сооружения памятников. Всё это подтверждают политика и идеология, с одной стороны, и архитектура и монументализм, с другой.

Хочу привести ещё один современный пример наших соседей. В Донецке живёт самый богатый человек Украины. Он там построил великолепнейший стадион, вокруг него разбил на свои деньги огромный парк. Весь город усыпан зеленью, бульварами, фонтанами и очень интересной скульптурой, причём самой разной – от классицизма до авангарда. Идёшь по Донецку, и создаётся впечатление, что ты сейчас выйдешь к морю. Вот что делают деньги. Вот что делает определённая культура, когда она адресована не только набиванию собственных карманов, а реальным заботам о том месте, в котором ты живёшь. Он понимает, среди помойки особняк смотрится странно. Это то, что было характерно для российского дворянства и купечества до Великой революции – Кровавого переворота, перевернувшего не только жизни, но, возможно, прежде всего сознание и ментальность народа. Пройдите по нашим городам и посёлкам, особенно вдоль заборов, и вы мгновенно поймете, о чём я говорю. Что называется, почувствуйте разницу. Так что дело не в частной собственности, а в ментальности и культуре как всего общества в целом, так и его «элиты».

Королевский замок в Варшаве был восстановлен к 50-му году в то время, когда страна ещё не залечила и половину страшных ран войны. Причём восстанавлива-

ли сами поляки, своими руками и на свои собираемые «гроши и злоты». Почему? Потому что в Польше есть поговорка: «Восстановить могут только те, кто помнит, как это было». У нас давно нет тех, кто хоть что-нибудь помнит. Трудно придумать что-нибудь более гнусное и извращённое, чем шабаш «Наших» на проспекте Академика А.Д. Сахарова. Однако это тоже часть нашей культуры, нашей ментальности и нашей истории. Не снеся памятник кровавому прошлому, не изменив ментального отношения к себе, к стране, к власти, мы едва ли сможем строить светлое будущее и едва ли наша страна будет самобытной, реальной, обращённой к человеку, а не к господину, правящему страной.

Иноземцев В.Л.: На мой взгляд, в последнее время в архитектуре доминирует стремление к максимальному комфорту и функциональности, порожденное общим движением от эпохи модерна, которая характеризовалась значимостью социальных символов и знаков, к эпохе очень личностной, частной и индивидуализированной. Так что период, когда архитектура воплощала некий социальный смысл, остался в прошлом. Единственное, что она сегодня иногда несет – это утверждение технической возможности человека сделать практически все, что ему угодно. В такой ситуации утилитарные мотивы начинают доминировать над символическими и ценностными, что соответствует общим тенденциям потребительского общества и не вызывает у меня удивления.

Проблема скорее в другом: если отдельные строители и архитекторы стремятся к удобству и, в общем-то, следуют за спросом, то российское государство и наши правила за всем этим совершенно не поспевают. Например, лично у меня не вызывает никакого отторжения проект Москва-Сити. Когда я вижу его силуэт и сравниваю с парижским Дефансом или шанхайским Пудуном, у меня не возникает внутреннего протеста против того, что такого рода архитектура появилась в Москве. Это веяние времени. Может быть, было выбрано не самое хорошее место, но и не самое плохое. Однако условия строительства ужасны: служба безопасности швейцарского банка Credit Suisse, например, категорически не советовала своему московскому подразделению приобретать там офис, так как в случае нештатной ситуации эвакуация и из зданий, и из района в целом будет практически невозможна. Но это уже вопрос градостроительной политики.

Говоря о строительстве в Москве, нельзя не коснуться проблемы масштабов. Если посмотреть, например, на Париж, то за последние 10-15 лет в центре города были построены музей на набережной Бранли, пара зданий на Авеню де Гранд Арме (Avenue de Grande Armée) и еще несколько офисных комплексов в относительно центральной части города. Москва за последние 10 лет превратилась в одну большую стройплощадку. Город не был насыщен офисными и жилыми площадями и наверстывает упущенное сейчас. К тому же, это связано с централизацией всей страны и той ролью, которую Москва традиционно играет в России. Поэтому проблема масштаба стоит очень остро. Мы не можем ограничить объемы нового московского строительства парижскими стандартами. Да и невозможно вытеснить новостройки за административные пределы города. И то, что отдельные архитекторы, руково-

дители города и бизнесмены выкорчёвывают целые кварталы, это рискованно, но объяснимо, особенно в обществе, в котором всё решают деньги.

Еще один важный момент – это вопрос архитектурной среды. Она в Москве разрушается. Однако хочу обратить внимание на то, что и уже упоминавшиеся тут парижские бульвары, и улицы других городов – это вполне обитаемые улицы, это очень живая среда. В парижских кварталах, возведенных до Первой Мировой войны, сегодня живут около 60% жителей этого города. В Москве те кварталы, которые мы так активно на словах защищаем, населены 2-3% москвичей. Поэтому неудивительно, что защищает их очень узкая прослойка интеллигенции, а для большинства это абсолютно неинтересно. При этом мы пытаемся мерить себя стандартами исторических европейских городов. У нас модно говорить про Флоренцию и Париж. Но давайте возьмём несколько более космополитичный город, например Лондон. Здесь культурная среда гораздо более разнообразна, гораздо более «разломана», и над ней совершенно достаточно много надругательств.

Отчасти это обусловлено тем же самым обстоятельством: значительная часть населения живёт в пригородах, да и право частной собственности приводит не только к сохранению прежних форм, но и к активным новациям. В этой ситуации возможности экспериментировать приводят к серьёзному изменению архитектурного ансамбля – намного более радикальному, нежели в других европейских исторических городах. Но и на этом бы я не останавливался. Россия – развивающаяся страна, находящаяся в процессе поиска своего места в мире и своего облика. А посмотрите на столицы и мегаполисы развивающихся стран! Вы видите много исторических зданий в Сеуле, Токио и Шанхае? Москва кажется вам более сумбурной, чем Сан-Паулу или Мехико? Почему нужно быть похожей лишь на Венецию?

Говорилось, что за последние 20 лет в российской архитектуре произошёл провал. А что у нас было в 1970-е годы с их бесцветными блочными коробками? Это был расцвет? Думается, что мы наблюдаем не 20 лет «провала», а странный симбиоз появивших-



«Проблема скорее в другом: если отдельные строители и архитекторы стремятся к удобству и, в общем-то, следуют за спросом, то российское государство и наши правила за всем этим совершенно не поспевают».

Иноземцев В.Л.

ся финансовых возможностей и той бездарности, которая существовала достаточно давно и никуда не делась. Вряд ли она может быть исправлена исключительно нашими усилиями по одной простой причине: если мы посмотрим на глобальные тенденции последних лет, на архитектуру бурно развивающихся городов, то если в Берлине она проявляется еще не так явно, то в Пекине, Бангкоке или Сингапуре она проявляется в полном масштабе. И почему нам следует ждать чего-то другого от собственной страны, которая как в омут кидается в общую глобальную тенденцию?

Безусловно, сохранять то, что мы имеем, нужно, но нужно сохранять и баланс между сбережением прошлого и движением вперед, равно как и баланс между высокими чувствами (патриотизма, историчности) и безумной наживой. Но это баланс, а не попытка отрицать то, что происходит. Либо мы признаём, что попали в большой мир (откуда уже не выберемся), либо не признаём очевидного.

Андреев П.Д.: Архитектура и градостроительство являются наиболее видимым и непосредственным выражением социально-экономических отношений любого общества и, как следствие, средством их обратной идентификации, исследования, и осознания. Возможно, архитекторам хотелось бы думать, что именно они задают тон общественного сознания, строя дома, города и страны. Это отчасти так, и как результат любой деятельности это, в свою очередь, оказывает определенное влияние на общество. Однако влияние это вторично, это лишь следствие того, как «просчитан» и профессиональными средствами выражен, материализован общественный заказ.

Заказчик, кем бы он ни был – конкретным человеком, выражающим частный заказ; компанией, представляющей корпоративные требования; иным субъектом исполнительной или административной власти – формулирует требования, условия их выполнения, выражающиеся через профессиональные средства архитектора, действующего в обозначенных ему рамках финансовых, технических и прочих возможностей.

Задание заказчика в полной мере отражается степенью определенности и детализации означенных ограничений, включающей правовую и нормативную базу, технические возможности и методы реализации проекта, стилевые характеристики и прочие требования, которые и являются фактически его реальным воплощением. Отсутствие формализованных требований отнюдь не означает их реального отсутствия.

Автор проекта вольно или невольно вынужден самостоятельно устанавливать систему ограничений, необходимые всем «правила игры», вытекающие из реальных возможностей реализации проекта, его конструкции и бюджета, доступности и стоимости материалов и работ, инженерного обеспечения, потребностей рынка, моды и, наконец, собственных представлений о прочности, пользе и красоте. Именно поэтому архитектурный образ городов, да и вообще вся искусственная среда обитания, создаваемая архитекторами (как, впрочем, и другими творцами объектов материальной культуры), свидетельствует об уровне развития общества и *post factum*

дешифрует тот самый социально-экономический заказ, диктуемый обществом.

Теперь несколько замечаний по поводу прозвучавших здесь примеров, так или иначе, явно или скрыто иллюстрирующих вышесказанное.

Флоренция эпохи Возрождения являет нам свидетельство непримиримой борьбы нескольких семейных кланов за политическое господство, запечатленное в войне величины карнизов и постройках более высоких башен на месте разрушенных строений конкурентов, донесших до нас имена Медичи, Питии, Строцци и прочих.

Барселона: район «Эн санче» – конец XIX века, а центральная часть, напротив, пример жесткого регулирования градостроительной деятельности в условиях единовременного освоения территории: размеры улиц, кварталов, дворов, высоты зданий – все подчинено строгому градостроительному регламенту. В то же время архитектура фасадов регулировалась исключительно законами господствующего «модерна» и «арт-деко». Конец XX века был ознаменован реверансом в сторону «глобализма» и добавил к историческим городским доминантам – форту на Монт Жуик и собору Саграда Фамилия Антонио Гауди – реплику Жана Нувеля на Лондонский «огурец» Норманна Фостера под названием «Торе Акбар» (Агуа де Барселона), что не менее символично.

Рим и римское право формализовали не только человеческие отношения, проведя границу между гражданами Рима и теми, кто обязан был следовать порядку. Римский лагерь – физическое воплощение военно-полевого устава, по образу и прямому подобию которого построен не один город Европы и колонизованных в те времена стран. Эти принципы живы и в наши дни, когда речь идет о быстром освоении новых территорий. Происходящие от регулярной «гипподамовой» планировки греческих городов, они видны в структурах Манхэттена и ряда городов Латинской Америки, служащих примерами экстенсивного градостроительства. Рим эпохи Возрождения, эпохи ансамблей и симметрии, потребовал своих жертв при строительстве Пьяццы дель



«Архитектурное произведение – продукт синтетический. Генерируемый одной личностью, он, вместе с тем, является воплощением множества умов и рук, и именно поэтому он точно отражает реальную и актуальную действительность».

Андреев П.Д.

Пополо, галереи Бернини и самого собора святого Петра (так же как и, простите за сравнение, пробивка проспекта Муссолини по императорским форумам или Калининского проспекта на Арбате). А руками великого Константина Мельникова мог бы быть реализован проект «Наркомтяжпрома» на месте Верхних торговых рядов Померанцева (ГУМ), а что бы стало от такого соседства с Кремлем, его не очень тревожило.

Париж замечателен и любим не столько из-за отдельных домов, сколько благодаря уникальной городской атмосфере, структурности, перспективам, понятности, спокойному ровному цвету каменных стен, паркам, набережным... А ведь это результат полного уничтожения средневекового города, от которого уцелели считанные сооружения. Это материализация «политической» воли и создания градостроительных кодов под названием «план занятия земель», едва ли не самого детализированного документа в практике урбанизма.

Результаты нашей деятельности связаны во многом с реконструкцией, перестройками, переделками, внедрением новых элементов, рождаемых все возрастающими стандартами и требованиями по обеспечению комфорта, безопасности, коммуникациям, нарушающим привычную сложившуюся ситуацию.

Следование требованиям сегодняшнего дня, не всегда продуманным и осознанным с точки зрения их эксплуатационных возможностей, соответствующим технологическим и финансово-экономическим возможностям, энергоемкости, перерастает в тяжелую зависимость, а иногда и в банкротство или крах отрасли, а возможно, и системы.

Заново сделать что-то на новом месте, не разрушая и не трогая старого с его ценностями и проблемами – такие попытки тоже предпринимались. Примерами тому служат Канберра в Австралии, Оттава в Канаде, в Бразилии – столица Бразилиа, как будто нарисованная той же рукой, что и Музей космонавтики в Калуге.

Мода и мировые тенденции тоже существуют и, может быть, распространяются «спорами». Мы все подвержены моде, и что в этом позорного? Покрой «черной пары», и тот меняется и идентифицирует эпоху.

Гум, например, – родной брат здания аргентинских железных дорог в Буэнос-Айресе и двоюродный брат Queen Victoria Building в центре Сиднея – одновременно структурно схож с торговыми галереями Милана и Неаполя.

Архитектурное произведение – продукт синтетический. Генерируемый одной личностью, он, вместе с тем, является воплощением множества умов и рук, и именно поэтому он точно отражает реальную и актуальную действительность.

К тому же это продукт трудо- и материалоемкий, а это требует денег. Архитектура не бывает бесплатной, а хорошая и качественная – тем более.

В отношениях «заказчик – архитектор» не последнюю роль играют взаимопонимание и взаимоуважение. Крайне важно соблюдать баланс. Приоритет и диктат одного или другого выражается по-разному, но одинаково пагубно сказывается на результате.

Как бы сегодня ни формулировался социальный заказ, предъявляемый архитектуре и градостроительству, это всегда капитализация общественного достояния

и его ценностей, выражаемая профессиональными средствами в доступной культурно-экономической форме, являющаяся собой символ действующих общественных отношений.

И, наконец, не надо забывать, что мы работаем в конкретном правовом поле, которое определенным образом держит нас в заложниках вчерашнего дня. Градостроительный кодекс, действующие градостроительные нормы, пожарные и другие технические регламенты должны обеспечивать, а не сковывать свободу действий и развитие общества и среды обитания, которую мы формируем все вместе.

Урнов М.Ю.: Итак, получается, что нынешняя архитектура – это застывший «сумбур», а не музыка?

Андреев П.Д.: Нет, так сказать нельзя. Мы – портные. Наша задача состоит в том, чтобы профессионально и грамотно выполнить желание заказчика.

Мельвиль А.Ю.: Мне бы хотелось вернуться к одному из сюжетов, обозначенных в программе форума, – соотношению множественности стилей и множественности идентичностей. В самом начале Сергей Медведев одинаково убедительно и интуитивно говорил о том, что вокруг нас реально существуют совершенно разные архитектурные стили. Например, жилой комплекс «Шуваловский» – это ностальгия по сталинскому ампиру. Или башни Газпрома – символ величия энергетической сверхдержавы. Продолжить этот ряд примеров не составит труда. Однако у меня, тем не менее, возникает вопрос: все это действительно стили или все же не стили, а что-то иное? Скажем, просто заказные архитектурные разработки (наподобие заказных статей)? Ведь говорят же сами архитекторы о том, что они просто производят как бы «скроенные по заказу пиджаки»... В таком случае из чего же складываются настоящие стили в нашей современной архитектуре? И кто их «складывает»? Из чего и как вырастает стиль как нечто целостное, о чём мы можем сказать: «Да, это стиль, потому что он всем похож на стиль»?

А вот если ни какого-то одного «большого» стиля, ни реальной множественности стилей нет, а вместо



«Ведь распад советской идентичности, что бы о ней ни говорили социологи, у нас так и не завершился формированием новой идентичности. Постсоветской идентичности, похоже, так и нет, она так и не сложилось...»

Мельвиль А.Ю.

этого – просто разные «заказы», которые архитекторы обслуживают, тогда дело совсем другое. Вот тогда-то ни какой-то одной идентичности, ни их множественности тоже нет. Похоже, так оно и получается. Ведь распад советской идентичности, что бы о ней ни говорили социологи, у нас так и не завершился формированием новой идентичности. Постсоветской идентичности, похоже, так и нет, она так и не сложилось... В силу многих причин (нет, к сожалению, времени подробно говорить об этом) Россия оказалась единственной из 15 постсоветских стран, которая была лишена возможности формировать свою новую идентичность на основе национальных традиций. К тому же новые идентичности не формируются «по заказу», они вытекают из, не побоюсь громкого слова, судьбоносных решений общества, после чего не остается сомнений в том, как само общество понимает себя и куда хочет двигаться. Тогда уже нет ни фантомных болей ампутированной империи, ни риторики суверенной демократии, ни нашего двухсот- или даже трехсотлетнего европейского выбора, ни выбора *a la carte*, чтобы не потревожить «самобытность». Наличие идентичности, конечно, не предопределяет траекторию политического развития. Разные типы идентичностей могут составлять субъектность разных политических режимов. Но наличие идентичности – необходимое условие для реализации демократической траектории. И если действительно отсутствие одного внятного архитектурного стиля или имитация реальной множественности стилей с помощью «бесстилевой» архитектуры – это своего рода показатели отсутствия идентичности, тогда это серьезная проблема, выходящая за рамки градостроительства.

Потоцкий И.В.: Архитектура и скульптура, конечно, инструменты формирования идентичности, и в этом качестве они целенаправленно использовались не одно столетие. Но, в первую очередь, это индикаторы того состояния, которое переживает общество, потому что и идентичность, в том числе и политическая, и архитектурные формы – это в равной мере производные от культурных кодов, которые определяют базовые характеристики общества. Причем на разных этапах истории, от периода дворцов Месопотамии, которые становились все более массивными и величественными по мере того, как укорачивался период царствования, до падения башен-близнецов. Атака на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке – это феномен, который тоже должен рассматриваться в этом ряду.

Если согласиться с тем, что «искусство – это способ организации хаоса», то оно должно рассматриваться как один из наиболее точных индикаторов и индивидуальной, и коллективной самоидентификации. В этом смысле архитектура наиболее показательна. Хотя бы потому, что, в отличие от других искусств, она не только более долговечна, но и сам период создания архитектурных объектов наиболее длителен. Годы, десятилетия, а иногда и столетия строительства отшелушивают случайные тренды, и построенное становится свидетельством только действительно устойчивых и значимых тенденций.

Но тут важен вопрос: архитектура, которая развивается под влиянием власти и не может выйти из-под этого влияния – это индикатор состояния власти или ее амбиций?

Если сравнивать то, что на протяжении длительно-го времени происходило в Европе и России, то получается интересная вещь: в Европе с 500 по 1500 год рост ВВП составил 0%, с XIII по XVIII век ее население не увеличилось даже вдвое. Это период, когда внешне не происходит ничего. Но это период, в течение которого формируется европейская идентичность, период консолидации христианского мира, доминирующей идеи. И в результате доминантой архитектуры становятся заборы-крепости и устремленные в небо шпили соборов, за которыми стоит идея трансцендентности, власти, данной Богом, незыблемой и несменяемой. А потом – быстрый период перемен: Ренессанс, идеи гуманизма, протестантское влияние, индустриальный рост... И в архитектуре всё эволюционирует тоже очень быстро. Что происходит в России? Если исключить эти 30-40 лет в начале XX века, когда мы наблюдали эксперименты с авангардом и конструктивизмом, мы очень быстро возвращаемся к сталинским высоткам, которые тоже увенчаны шпилем. Это абсолютное повторение стилистики католических храмов средневековой Европы на фоне доминирующей идеи о незыблемой и неоспоримой власти, построенной на тотальной, практически религиозной идее. Что мы получили в постсоветское время? Заборы вокруг частных строений, лужковские башенки и маленькие шпили над публичными зданиями как эрзац сталинской эстетики. Это что, свидетельство идентичности общества, которое не может выбраться за пределы тотального миропонимания, свойственного Европе в XV веке? Почему российское общество, переживая максимально драматичные, катастрофические катаклизмы, всякий раз стремится не к эволюции и какой-либо новой идентичности, а старается воспроизвести те ее архаичные формы, которые и приводят к очередному катаклизму? Вот ключевой вопрос, на который следовало бы дать ответ. Это хорошая тема для обсуждения.



«Но тут важен вопрос: архитектура, которая развивается под влиянием власти и не может выйти из-под этого влияния – это индикатор состояния власти или ее амбиций?»

Потоцкий И.В.

Филатова И.И.: Мы говорили о том, что нужно сохранять старую Москву. Но какую старую Москву? О чём именно мы говорим? О какой старой Москве: о Москве XVII века или конца XIX века, или конструктивистской Москве, или Москве стиля модерн? Москва – это один из самых эклектичных городов в мире. Его, конечно, не сравнить с Петербургом, потому что Петербург сохранил свой центр. Москва этого центра не сохранила, и причин тому очень много. Давайте посмотрим на историю города: это же сплошная эклектика.

Мы говорим о том, что мы разрушаем свою культурную среду, но любое новое архитектурное явление (способ организации пространства), через который проходила Москва, – это разрушение бывшей культурной среды. Мы от этого никуда деться не можем. Я еще застала людей, которые клеймили московский модерн как нечто чуждое духу города. А уж сколько потешались над особняком Арсения Морозова – Домом дружбы! А посмотрите на Париж: когда разрушалось «чрево Парижа», знаменитый рынок в центре города, как раз о культурной среде и шла речь. «Чрево Парижа» было неотъемлемой частью культурной среды парижан. Разрушили, и на этом месте уже находится что-то другое, все привыкли и относятся к этому как к данности.

Я не хочу защищать то, что сделали с Москвой «Дон-Строй» и Церетелли, но для нового поколения, которое придёт во всё это, это уже станет старой Москвой, к сожалению. Видимо, на эти вещи нужно смотреть исторически.

Несколько раз прозвучала мысль, что архитектура сейчас не несет идеи, послания, поскольку у власти нет идеи. А мне кажется, что послание, сообщение есть, и очень громкое и ясное, и идёт оно не только от власти. Это и ответ на запрос общества. А какой запрос? То, что строится сейчас, – это представление нашего общества о том, что такое роскошь. Это купеческий стиль, купеческо–нুবоришский, в котором все – подражание, все делается напоказ, и все



«То, что строится сейчас, – это представление нашего общества о том, что такое роскошь. Это купеческий стиль, купеческо–нুবоришский, в котором все – подражание, все делается напоказ, и все безвкусно. Но это то, что нужно сейчас обществу, у которого есть деньги, но, к сожалению, нет вкуса».

Филатова И.И.

безвкусно. Но это то, что нужно сейчас обществу, у которого есть деньги, но, к сожалению, нет вкуса. То, о чем мы говорим сегодня, – это способ организации пространства городского или сельского. А способ организации пространства – это отражение исторической эпохи, того, что эта эпоха в социальном и политическом смысле собой представляет.

Урнов М.Ю.: Больше выступающих нет. Позволю себе подвести некоторые итоги нашего обсуждения. Не претендую на исчерпывающий анализ всего, что здесь было сказано. В кратком заключительном слове этого сделать невозможно – идей было очень много. Так что я ограничусь упоминанием трех наблюдений, показавшихся мне самыми яркими.

Первое наблюдение – это заборы как бросающаяся в глаза, блестящая стилистическая характеристика нашей сегодняшней архитектуры.

Второе наблюдение – это проявляющаяся в современной российской архитектурой причудливая смесь денежной и «шпилевой» демонстративности. С одной стороны, на индивидуальном уровне (в индивидуальном строительстве) господствует нуворишское желание отгородиться забором и из-за забора показать всем, «какой я богатый». С другой стороны, в государственной архитектуре или в крупномасштабном жилищном строительстве, осуществляемом околосударственными компаниями, очевиден возврат к стилистике сталинского периода – стилистике, призванной, по-видимому, продемонстрировать единство граждан страны, поднимающейся с колен и возносящейся вверх своими шпилями. С одной стороны, демонстрация того, что я к стране не принадлежу, я есть я, у меня много денег, я за забором; а с другой стороны – шпили, шпили, шпили. Индивид демонстрирует свою непринадлежность, власть демонстрирует свой судорожный поиск принадлежности.

Третье наблюдение – слабая связь архитектуры



«Ткань социальная, ткань культурная и ткань политическая расползаются, и на этом фоне государство пытается как-то что-то объединить и кому-то что-то сказать: в архитектуре – с помощью исторических шпилей, в политике – странными формулами вроде “поднятия с колен”, “великой энергетической державы”, “суверенной демократии” и пр.».

Урнов М.Ю.

с национальной традицией. Собственно, эта связь ограничивается сталинскими шпильями. Все остальное – это заимствование у Европы и США. С моей точки зрения, это означает отсутствие идентичности со своей культурной общностью, которая, как известно, имеет не только пространственное, но и временное измерение. Ткань социальная, ткань культурная и ткань политическая расползаются, и на этом фоне государство пытается как-то что-то объединить и кому-то что-то сказать: в архитектуре – с помощью исторических шпилей, в политике – странными формулами вроде «поднятия с колен», «великой энергетической державы», «суверенной демократии» и пр.

Грустно жить на белом свете, господа. Но, похоже, такова сегодня среда нашего обитания, и, похоже, что именно такое послание несет нам современная архитектура и искусство. Есть ли противоядие? Бог его знает! Но на этом фоне мне представляются очень продуктивными действия вроде конкурса, организованного Сергеем Титлиновым. Потому что если просто сидеть и сожалеть, наверное, совсем плохо будет. Если же попробовать активировать творческую энергию и архитекторов, и скульпторов, и даже политологов, то, может быть, ситуация начнет улучшаться и мы, возможно, перестанем жить в странном ошпильёванном болоте и станем свидетелями и участниками культурного подъема страны. В конце концов, имеем же мы на это право. По крайней мере, мне кажется, что имеем.

Круглый стол «Открытый форум»

Координатор проекта: М.Ю. Урнов

Редколегия: С.Н.Зарубина, В.А.Касамара, М.Ю.Урнов

Ответственный редактор: В.А.Касамара

Редактор: Н.В.Шахмалиева

Корректор: С.Ю.Тимонина

Дизайн и электронная верстка: К.А.Касамара

Тираж 300 экз.

